

Добро должно всегда побеждать

Имя Александра Соловьева, театрального художника, хорошо известно в Белоруссии. Минские театралы нередко едут в Витебск на спектакли Белорусского академического театра имени Я. Коласа ради того, чтобы увидеть премьеру спектакля, сценография которого задумана и выполнена заслуженным деятелем искусств БССР А. Соловьевым. Сейчас художник приступил к работе над «Тартюфом» Мольера.

— Не надо называть нас «сценографами», — было первое, что сказал в нашей беседе Александр Александрович.

— Этот термин, введенный в обиход с легкой руки искусствоведов, по-моему, до обидного неточен. Ведь художник театра, если он действительно художник, не только организатор сценического пространства, не только пейзажист, график, скульптор, но все это вместе взятое плюс глубокое знание истории цивилизации, культуры народов. Театр и похож и не похож на жизнь. В пределах сценической коробки художник создает мир реальный, используя обобщения и условные средства, заставляя зал принять предложенную игру, которая должна быть убедительной. Искусство театрального художника в этом смысле непохоже на искусство живописца, произведения которого подвержены переоценке с течением времени. Нам должны понимать сегодня все. Если в театре бьется живое сердце, зритель его почувствует и примет.

В мастерской художника тесно от полок с книгами. Здесь собрана редкостная библиотека по истории искусства. И видно, что это «действующая», «рабочая» библиотека, что каждая книга побывала не раз в руках. Ее изучали, над ней думали. А потом, преобразованное фантазией:

художника, узанное, постигнутое ложилось на многочисленные картоны эскизов и моделей, чтобы преобразиться в неповторимый художественный образ спектакля. «Колокола Витебска» В. Короткевича, «Симон-музыкант» Я. Коласа, «Матушка Кураж» Б. Брехта и «Затюканный апостол» А. Макаенка, «Порог» А. Дударева... Перечисленные спектаклей, над которыми трудился художник, заняло бы, вероятно, не одну страницу. Некоторые из них москвичи недавно увидели на гастролях Коласовского театра в Москве.

В общий успех старейшего белорусского коллектива была внесена немалая лепта и многолетним трудом главного художника театра А. Соловьева. Но театр жив не прошлыми успехами и заслугами. Уходят, умирают спектакли, которым отдано так много трудов и бессонных ночей. От них остаются лишь обветшавшие декорации, костюмы да эскизы. И все. В этом, очевидно, драматурга, посвятившего себя театру. Но остается и благодарная память зрителя. И она, эта память, искушает горечь расставания со своим созданием и дает импульс для творчества. Вот и сейчас на полу, на столе разложены листы с новыми эскизами. Художник приступил к работе над «Тартюфом» Мольера.

— Художественное руководство театра остано-

вило свое внимание на этой пьесе не случайно. Сама драматургия предлагает множество решений, чтобы найти путь к сердцам и умам наших зрителей, сделать будущий спектакль актуальным. Разве не созвучна нам с вами ненависть Мольера к ханжеству и лицемерию?

...Мир, тревога за его судьбу — нет сегодня честного человека, который не вслушивался бы в беспокойный пульс нашей планеты, не поднимал бы свой голос в защиту самого дорогого — жизни на земле. Людям же поколения, к которому принадлежит Александр Соловьев, не по рассказам, не по книгам знакомо это страшное слово «война». Мальчишкой пошел он в партизанский отряд. А потом фронтовые дороги, госпитали, годы послевоенной разрухи. И вопреки всем преградам и трудностям — горячее, непреодолимое стремление к творчеству. Окончена вечерняя школа, потом отделение мастеров монументально-декоративной росписи при ЛВХПУ имени В. И. Мухоминой, затем Белорусский театрально-художественный институт. Наверное, потому так удаются А. Соловьеву спектакли, связанные с темой войны. Память о ней живет и в живописных работах художника, тяготеющих к символическим обобщениям, неожиданным, эмоционально-приподнятым. Недавно выставка А. Соловьева с успехом экспонировалась в Литве. Зрители ощутили своеобразие живописи белорусского художника, ее гуманистический пафос. Но Александр Александрович редко выносит на суд зрителя свои станковые работы. Почему?

— Вероятно, потому, что живопись очень дорога мне и я строго отношусь к отбору произведений для показа. Не все считаю готовым, завершенным, не все стоящим того, чтобы приглашать зрителя. К тому же работаю медленно. Для живописи остается мало времени — много отнимает театр. Хотя работу в театре и в мастерской за мольбертом не могу разделить. Не было бы одного — не было бы и другого. Живопись помогает преодолевать собственную инертность, штамп, который необходимо разрушить. Страшно, когда привыкаешь, довольствуешься найденным и сделанным раньше.

Вспоминаешь спектакли Александра Соловьева и убеждаешься, как непохожи они — мрачноватое, монументальное оформление «Колоколов Витебска», где все дышит историей, где в каждом штрихе читается любовно увиденный образ древнего города, где нынче живет и творит художник, а вот скоморошья, яркая атмосфера пьесы-притчи «Клеменс» и напыщенный, жалкий в своих потугах мешанский интерьер буржуазного дома в «Затюканном апостол»... Как сочетать с этой конкретной, материальной средой, где весома, выразительна каждая деталь, где точно осязимо дыхание времени, прихотливый, фантастический мир его станковых картин, сами названия которых — «Космос» «Стремление», «Голоса вечности» — говорят о широте философского обобщения, о стремлении к объемной метафоре.

Александр Александрович говорит:

— В каждой моей работе — столкновение между тем, что я люблю, и тем, что ненавижу. Я отношу себя к «неисправимым» оптимистам и уверен, что добро должно всегда побеждать и победит.

Л. ДЯГИЛЕВ.

ВИТЕБСК.

Фото М. Шмерлинг.

5 ЯНВ 1985

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва